

Г. М. Резник¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Спор о месте России в мировой истории, соотношении в культуре страны цивилизационных ценностей Запада и Востока, ее особом пути и предназначении, не затихавший в отечественной философии дооктябрьского периода и прерванный большевистским режимом, вновь возродился после распада СССР. За последнее десятилетие он обострился в связи с тем, что в условиях конфронтации России с Западом власть в своей международной и внутренней политике стремится обрести опору в культурно-исторических традициях страны.

В многовековой истории Руси ключевые жизненные вопросы о соотношении власти и собственности, государства и человека решались иначе, чем в Европе и США. Достаточно лишь одного сопоставления: английской Великой хартии вольностей и Биллю о правах соответственно больше 800 и 300 лет — в России всего 150 лет назад существовало крепостное право, и лишь четверть века назад потерпел крах советский тоталитаризм.

Но малопродуктивно и даже рискованно объяснять нынешние реалии особым цивилизационным кодом, жестко программирующим из глубины веков общественную психологию. Норберт Винер говорил: «Чем дальше вглубь, тем меньше вес». Ход истории убыстрился. Под влиянием изменений в образе жизни, процессов урбанизации и глобализации, взаимодействия с институциональной структурой политическая культура способна существенно трансформироваться, поведенческие сценарии — разнообразиться.

Так, в устойчивый стереотип превратилось противопоставление русского коллективизма и западного индивидуализма. В дооктябрьский период оно питалось идеями соборности и общинности. «Для русской жизни, — писал лидер славянофилов Алексей Хомяков, — характерен дух согласия и братской любви, в то время как западная жизнь есть война всех против всех». Большевистский режим объявил коллективизм государственной идеологией, индивидуализм клеймился как проявление отсталости и антиобщественного эгоизма. Падение идеологических шор, признание в Конституции России высшей ценностью прав и сво-

бод человека не изменило устоявшегося в общественной мысли представления, что в рамках российской политической культуры индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит национальному архетипу. Последние годы такому взгляду отдает дань Владимир Путин, отметивший, в частности, в беседе на телеканале Russia Today, что «в основе американского самосознания лежит индивидуалистическая идея, в основе российского — коллективистская», в связи с чем «нам бывает трудно понимать друг друга».

Но исторические факты в такое клише, к тому же идеологически окрашенное, явно не вмещаются. Коллективизм и индивидуализм в новейшей истории Запада взаимно дополняли друг друга. Все западноевропейские страны некогда вели сельский образ жизни, и крестьянские общины везде возникали естественным путем. По мере того как западное общество трансформировалось — развивался урбанизм, менялись отношения собственности, — коллективизм в отношениях людей не утрачивался, а принимал формы, соответствующие городской жизни, — цеха ремесленников, гильдии торговцев, коллегии юристов, общины верующих, позднее — рабочие профсоюзы. Коллективизм все больше становился добровольным — люди объединялись в соответствии со своими убеждениями, склонностями и интересами. И ныне на Западе значительно лучше, чем в России, обстоит дело с общественной солидарностью, доверием между людьми, местным самоуправлением, волонтерством и благотворительностью, профсоюзным движением. При этом доминирует индивидуализм с его ценностями свободы, конкуренции и личного успеха. Получается своеобразный «коллективизм индивидуалистов».

С российской политической культурой история сыграла злую шутку. В то время как в Западной Европе шло ослабление сословно-феодалных уз, царская Россия застряла в Средневековье — крепостничество закабалило самородную сельскую общину, превратило добровольное объединение хлебопашцев в принудительное. Половинчатая экономическая реформа 1861 года эту проблему не разрешила. После крестьянских волнений 1904–1906 годов нерешенность аграрного вопроса, необходимость изменения формы собственности на землю уже осознавались многими просвещенными государственными деятелями. Петр Аркадьевич Столыпин в своей речи в Государственной думе 5 декабря 1908 года спрашивал: «Неужели забыто, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?». И позднее, в речи, произнесенной в Государственном Совете 26 марта 1910 года, говорил: «По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей... Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не бу-

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ», «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Противоречия урбанизации и преступности», «Правовая реформа XXI века и адвокатура» (в соавт.) и др. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, медалью Анатолия Кони; почетными знаками «Общественное признание» и «Символ Свободы»; высшей юридической премией «Фемида», Национальной премией в области адвокатуры «За честь и достоинство». Почетный доктор СПбГУП.

дет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей».

Приложить свободный труд к земле не позволил большевистский режим. Более того, ликвидация частной собственности и тотальное огосударствление экономики закабалило всех трудящихся — не только на селе, но и в городе. Все работники стали крепостными государства — единственного собственника в СССР. Были растоптаны слабые ростки гражданского общества, только-только нарождавшегося в царской России XX века. Государство взяло под контроль все сферы жизнедеятельности людей, превратило граждан в своих подданных, добилося их отчуждения от интересов, связанных с признанием политических и экономических прав и свобод. Естественные права человека третируются как буржуазная выдумка, право определялось в позитивистском духе как любой закон, в который возведена воля господствующего класса. Таковым лицемерно объявлялся городской и сельский пролетариат, тогда как на самом деле был создан новый господствующий класс — номенклатура. Личная инициатива всячески подавлялась, за исключением разве что взятия на себя повышенных обязательств по досрочному выполнению государственных плановых заданий. Основа советского тоталитаризма — все должно двигаться исключительно начинаниями начальства.

Вот почему слово «индивидуализм» на долгие десятилетия стало едва ли не ругательным. Коллективизм превозносился главным образом как способность советских людей сплотиться вокруг партии и правительства и приносить свои личные интересы в жертву строительству светлого будущего и борьбе с врагами.

Ошибочно было бы объяснять длительное существование в стране такой противоестественной экономики, исключающей всякую возможность человека самому заботиться о своем благосостоянии, одними только колоссальными природными ресурсами страны. Для подобного хозяйствования нужен был новый человек, формированием которого и занялась большевистская власть. И надо признать — добилась на этом пути несомненных успехов. Перманентные репрессии, «железный занавес», устранение иных источников информации, кроме партийных радио и газет, а позже телевидения, постоянное пропагандистское промывание мозгов сделали свое дело. И если жителей Москвы 1920-х годов Булгаков в «Мастере и Маргарите» устами Воланда мог оценить как обычных людей, которых испортил только квартирный вопрос, то после коллективизации и массовых репрессий 1930-х годов советские люди такой характеристике уже не соответствовали.

Разумеется, в реальной жизни существует многообразие человеческих типов. Но усредненный образ советского человека в глазах политических аналитиков различной ориентации — видных общественных деятелей, ученых, писателей — наделялся такими качествами, как стандартизированное идеологическое сознание, отсутствие инициативы и уклонение от личной ответственности, безразличие к результатам своего труда, патернализм, покорность власти, безропотное подчинение любым распоряжениям начальства, заниженные амбиции, низкий уровень социальных притязаний,

готовность стойко переносить жизненные трудности, склонность к пьянству. При этом — ощущение причастности к решению грандиозной задачи построения справедливого коммунистического общества, гордость за свое государство, одерживающее победу за победой на международной арене, успешно противостоящее враждебному капиталистическому окружению.

Окончательно тип советского человека (Homo soveticus) сформировала победа в Великой Отечественной войне, упрочили создание атомной и водородной бомб, полет в космос Юрия Гагарина. Сознание себя частичкой огромной силы, перед которой трепещет весь мир, компенсировало советскому человеку бедность, убогий быт, тотальный дефицит. Переживать материальные трудности помогала и социалистическая уравниловка: «Все так живут», «Всем поровну».

Распад СССР, обвал тоталитарной системы хозяйствования нанесли по подавляющему большинству населения не только экономический, но и морально-психологический удар. В государственной пропаганде, на страницах вмиг перестроившейся прессы могучая социалистическая держава превратилась в тоталитарного монстра, «империю зла», а советский человек с его раздутым «комплексом победителя» — в ничтожного, оболваненного коммуно-советской властью «совка». Возник «дикий» капитализм с широким распространением среди энергичных и предприимчивых сограждан, сумевших вписаться в практически нерегулируемый рынок, психологии социал-дарвинизма, приправленной высокомерием и хамством. Стал повсюду тиражироваться афоризм, приписываемый американцем: «Если ты такой умный, почему такой бедный?».

Такой мировоззренческий поворот, когда вместо труда, знаний, образования, социальной справедливости главной ценностью объявляются деньги, умение их зарабатывать, население России — сплошь государственные работники, бюджетники — принять не могло. Обнаружилась простая, но подзабытая реформаторами истина — ни один народ не может смириться с национальной униженностью, люди живы не хлебом единым, им потребно гордиться своей страной, им нужно славное, героическое прошлое (пусть даже мифологизированное), им трудно расстаться с иллюзиями, «снами золотыми», навеянными утопическими обещаниями находившихся у власти.

Вот почему дискредитация 70-летнего пути, пройденного страной, при отсутствии социальной, в том числе просветительской, психотерапии, призванной смягчить тяжелейшие последствия «шоковой терапии» в экономике, была воспринята советскими людьми как плевок в них самих, их отцов и дедов, в прожитую ими жизнь.

Эти общественные настроения уловил В. Путин на первом же году своего президентства. Предложенные им и впоследствии принятые государственные символы — герб, флаг и гимн — преследовали цель провести идею преемственности в существовании страны, в известном смысле встать над сотрясавшими Россию политическими распряями. В свое время большевики объявили о полном разрыве с Российской империей и о намерении разрушить ее до основания. Кон-

ституция Российской Федерации 1993 года, признавая высшей ценностью права и свободы человека и вводя запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной и обязательной, полностью открешилась от идеократического наследия советского режима.

Россия всегда была, есть и останется великой державой — такое представление, которое стало продвигаться Кремлем во внешней и внутренней политике, получило отклик у россиян. Оппонирование США на международной арене, взятие под защиту Абхазии и Южной Осетии, вмешательство в сирийский конфликт, поддержка русскоязычных на Украине, присоединение Крыма, перевооружение армии, грозная милитаристская риторика, смягчение отношения к фигуре Сталина («Не надо излишне демонизировать») — все это, названное официальной пропагандой «вставанием страны с колен», было подхвачено народными массами, и рейтинг Путина, несмотря на рецессию экономики страны, побивает все рекорды. «Советскость» современного россиянина никуда не делась — ради величия страны можно ту же затянуть пояса.

Наряду с патриотическим подъемом, который был зафиксирован соцопросами во всех слоях населения, в том числе у граждан различной политической ориентации, в период третьего срока президентства В. Путина, усилились структурные изменения в экономической сфере: неуклонно сокращалась доля частного бизнеса и возрастала роль государства. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) в своем докладе сообщала, что в России сложился государственно-монополистический капитализм, государство и госкомпании за десять лет вдвое нарастили свой вклад в ВВП (с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015-м), за последние три года утроилось количество государственных и унитарных предприятий — по оценке ФАС, «главных врагов конкуренции на локальных рынках».

Государство — крупнейший работодатель в современной России. Прямо или косвенно на него трудится половина работающего населения. Для сравнения:

в США — только 17 %, и то это расценивается властями как слишком большая нагрузка на бюджет.

Огосударствление экономики — тенденция, тревожная в двух отношениях: ограничивается конкуренция и снижается эффективность товарных рынков, процветает коррупция, консервируются и подпитываются патерналистские настроения, унаследованные от советского периода.

Историческое развитие высветило закономерность, принципиально никем не оспариваемую: при прочих равных условиях экономика, основанная на конкуренции частных собственников, эффективнее государственного капитализма. Частная собственность не обязательно делает страну преуспевающей, но пока нет ни одного примера, когда бы ликвидация свободного рынка обеспечивала людям достойную жизнь.

Коллективизм и индивидуализм не следует сталкивать между собой и разыгрывать как идеологические карты. Оба они имеют общечеловеческое значение. Индивидуализм с его представлением об обществе как совокупности наделенных равными правами и равным достоинством индивидов является важнейшим катализатором развития мировой цивилизации. Коллективизм апеллирует к необходимости защитить слабых, гарантировать минимум жизненных условий, призывает к социальной солидарности. Но коллективизм не должен быть принудительным. Для современной России актуально развитие гражданского общества, некоммерческих, прежде всего волонтерских и правозащитных, организаций, расширение подсудности судов присяжных. Магистральное движение — это расширение возможностей самореализации, опора на собственные силы, десакрализация государства, понимание его не как некой священной верховной силы, а как наемного аппарата, агента общества.

История России многообразна. Никакие традиции не предопределяют ее будущее. Что взять из прошлого, а с чем расстаться, — но не забывать, чтобы не повторилось, — решает сам социум. Только бы не ошибиться в выборе.